

Л. И. Гришаева
Воронежский государственный университет

ЗАКОНОМЕРНОЕ И СЛУЧАЙНОЕ ПРИ ВАРЬИРОВАНИИ ТЕКСТОВ С ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ФЕНОМЕНАМИ

В фокусе предлагаемых рассуждений — тенденции в семантической, формально-структурной, функциональной организации текстовой ткани, которые правомерно характеризовать как общие во всех языковых культурах для текстов разных типов. При описании принципов организации текста более предпочтительными оказываются холистический, а не атомистический, подход, а также динамический, а не статический, ракурс анализа. Динамический ракурс анализа разнообразных изменений позволяет их описывать как вариативность того или иного инварианта. Поэтому изменения, наблюдаемые при анализе внутритекстовых связей разной природы, вызванных идиостилистическими и/или социокультурными причинами, осмысляются до определенного предела как проявление вариативности текстовой структуры в границах одного инварианта. Однако с учетом суперсистемных связей текста с его внутритекстовой организацией соответствующие изменения целесообразно трактовать как трансформацию инварианта «тип текста». Обсуждаемые тенденции иллюстрируются описанием функционирования прецедентных феноменов в текстах, выражаемых одним предложением и/или сверхфразовым единством.

Ключевые слова: тип текста как вариант; тип текста как инвариант; варьирование текста в коммуникации; прецедентный феномен

1. Постановка проблемы

Любой текст порождается в культуре в известных координатах: на стыке весьма устойчивых традиций и новаций, конвенций и креативных, уникальных, а порой и буквально одноразовых решений. Те же факторы, внешние и вместе с тем в определенном смысле внутренние по отношению к структуре текстовой ткани, несомненно, обуславливают также рецепцию порожденного текста.

Признавая очевидную значимость интерпретации — и в силу этого высокую степень субъективности соответствующих процессов как при порождении, так и при рецепции каждого текста на любом этапе его бытования в языковой культуре — нельзя не подчеркнуть два обстоятельства особо.

Во-первых, порождение и рецепция текста любого типа основывается на знании, разделяемом всеми носителями языка и культуры. Это знание о текстосемантической и текстосинтаксической организации продуктов дискурсивной деятельности, декларативное и процедуральное знание о том, как с помощью языка его носители решают в конкретных коммуникативных условиях определенную коммуникативную и когнитивную задачу. Это также и знание о том, какие сведения должны быть в коммуникации обязательными, а какие — факультативными, какие, как правило, должны объективироваться средствами культурных кодов, а какие — чаще всего имплицироваться. Это также знание того, какими именно языковыми (и в том числе невербальными) средствами и при каких условиях соответствующие сведения могут объективироваться в конкретной интеракции (см. подробнее в [Гришаева 2020: 95-98, 118-125]).

Следовательно, очевидно, что культура не может не располагать некими инвариантами, владение которыми служит несомненной базой для установления в той или иной мере гарантированного продуктивного взаимопонимания между носителями языка и культуры.

Во-вторых, в коммуникации упомянутые инварианты, очевидно, реализуются в качестве некоторого варианта инварианта. Последний в актуальных условиях преобразуется разным образом под воздействием разнородных факторов, внешних и внутренних по отношению к порождаемому тексту. К названным факторам в той или иной мере оказываются чувствительными и воспринимаемыми тексты, причем обсуждаемые процессы вряд ли целесообразно по понятным причинам интерпретировать как конвертируемые (см. подробнее в [Гришаева 2020: 136-163]).

Наблюдения над семантической, формально-структурной, функциональной организацией текстовой ткани позволяют обратить внимание в первую очередь на свойства, очевидно маркирующие актуальные формальные и содержательные преобразования текста. Среди последних целесообразно упомянуть в первую очередь такие как гибридизация с диффузией текстотипологических границ между текстами того или иного типа; семиотическая гетерогенность с последующей мультимодальностью рецепции; повышение значимости образности как неотъемлемой составляющей текстовой ткани и др. (см. детальный

анализ под разными углами зрения в [АНИСИМОВА 2019; БАБЕНКО 2009; ГРИШАЕВА 2020; КРЕМНЕВА 2017; ТРОШИНА 2009; 2014; ЧЕРНЯВСКАЯ 2005; ЩИПИЦИНА 2010; 2014; ADAMZIK 1995; FIX 2008; FREUDENBERG-FINDEISEN 2016; SCHMITZ 2014; ТЕХТ-BRÜCKEN... 2012; и мн. др.]).

Все более заметными становятся и такие тенденции, как уплотнение интертекстуальных связей в пределах и за пределами текста, утрата стилистической гомогенности разных типов текста. Вместе с тем прослеживается очевидное конденсирование информации при тенденции к уменьшению «материального» объема текста. В текстах наблюдается усиление доли средств выражения эмотивности и экспрессивности среди средств реализации когерентности. Имеет место явная специализация содержательной и структурной организации текста определенного типа с учетом типа коммуникативной среды (устная, письменная, компьютерно-опосредованная) и других параметров интеракции (ср. разные способы верификации отмеченных тенденций в [АНИСИМОВА 2019; БАБЕНКО 2009; ГРИШАЕВА 2020; КРЕМНЕВА 2017; ТРОШИНА 2009; 2014; ЧЕРНЯВСКАЯ 2005; ЩИПИЦИНА 2010; 2014; ADAMZIK 1995; FIX 2008; FREUDENBERG-FINDEISEN 2016; SCHMITZ 2014; ТЕХТ-BRÜCKEN... 2012; и др.]).

Следствием отмеченных процессов становится расщепление определенного типа текста с последующей специализацией новых типов и/или подтипов текста с учетом реализации конкретных стратегий и/или особенностей коммуникативной среды; ср., например, письма и электронные письма. Несомненный текстотипологический интерес представляет и дифференциация функционала того или иного типа текста вплоть до появления новых типов текста; ср. появление и развитие СМС, заметок в чате и т. п. Привлекают внимание устаревание (архаизация) принципов организации текста, становящаяся все более явной, а также гибридизация двух или более типов текста, преобразование содержательной и/или формальной текстовой структуры применительно к особенностям коммуникативной среды (устной, письменной, компьютерно-опосредованной) и даже исчезновение текста из культуры. Достаточно вспомнить историю таких типов текста как телеграмма и СМС-сообщение, или же судьбу эпоса, заклинаний или рекламы, «биографию» лекции в учебном заведении и пр. Их история в культуре однозначно

свидетельствует как о диалектике закономерного и случайного, так и о неоднородных связях между конвенциональным и креативным, а также о необходимости учета системных, субсистемных и суперсистемных связей конкретного текста как одного из многочисленных вариантов инварианта, т. е. типа текста.

2. Цели и задачи исследования

В статье хотелось бы остановиться на одной из ярких тенденций семантической и синтаксической организации текста, которую вполне можно признать закономерной. Речь идет об уплотнении интертекстуальных связей и возрастании вклада прецедентных феноменов (далее — ПФ) в достижение когерентности текста и в структурирование информационных потоков в культурном пространстве.

Избранный ракурс исследования обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, уплотнение интертекстуальных связей относится к наиболее явным и ярким тенденциям, присущим актуальным принципам организации текста, особенно в столь гетерогенной и востребованной сегодня коммуникативной среде, как медиапространство, значимость которого в культуре неуклонно возрастает. Во-вторых, уплотнение интертекстуальных связей определено и предсказуемо способствует структурированию информационного потока. Это для современного информационного общества имеет, без сомнения, особое значение, так как все более востребованной становится такая техника порождения текста, когда адресант минимумом средств стремится достигнуть эффекта, максимального по своему воздействию на реципиента, предсказуемо обусловить рецепцию воспринимаемого текста как в эмоциональном, так и в рациональном отношении. Характерно, что в этом наиболее активными оказываются разнообразные средства вторичной номинации, позволяющие существенно обогащать содержание текста, а также активизировать и соактивировать разнообразные сведения об одном и том же объекте внеязыковой действительности. Тем самым названные средства — а ПФ, вне всякого сомнения, относятся к охарактеризованным — существенно обогащают воспринимаемый текст в содержательном отношении¹ и, как следствие, не могут не способ-

---

¹ В этом контексте важно напомнить об изменении функционала и функциональной нагруженности в культуре таких языковых средств

ствовать преобразованию синтаксической структуры текста. В-третьих, соответствующие проявления названной тенденции наблюдаются в текстах разного типа и воспринимаются при обобщающем анализе в качестве одного из средств реализации текстоорганизующей техники, способствующей содержательному и формальному варьированию текста в коммуникации.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что названные процессы целесообразно изучать при холистическом подходе, т. е. сознательно иметь в виду, что любой текст представляет собой тематическое, интенциональное, содержательное, формальное, функциональное единство. Текст — это сложноорганизованная целостность, которая поддерживается многочисленными и разнородными внутритекстовыми, межтекстовыми и интертекстуальными² связями, складывающимися в различные конфигурации. Текст как целостность бытует в сложноорганизованном контексте системных, subsystemных и суперсистемных связей разной этиологии. Поэтому ясно, что функционирование отдельных средств, имеющих в текстовом пространстве свои собственные, четко определяемые функции, изначально и каузально подчинено организации этой целостности. Сказанное означает также учет как статического, так и динамического подходов к изучению семантического, синтаксического, функционального аспектов в организации текста. Поэтому очевидно, что избран-

---

как пословицы, поговорки, фразеологизмы, устойчивые сравнения, ПФ разного типа, мемы и т. п. И хотя функциональный потенциал названных средств частично пересекается, он, естественно, не является тождественным. Это требует специального тщательного изучения, поскольку перечисленные языковые средства все чаще становятся средствами реализации стратегии манипулирования и используются при конструировании фейков, симулякров, становятся инструментом для разнообразных манипулятивных техник, например, навешивания ярлыков, замалчивания невыгодной для адресанта информации, изменения соотношения когнитивного фона и когнитивной фигуры, конструирования петли умолчания и др.

² Межтекстовые и интертекстуальные связи некоторого элемента конкретного текста отличаются своей сущностью, средствами и способами их установления и сферой функционирования (подробную аргументацию разграничения межтекстовых и интертекстуальных связей см. в [ГРИШАЕВА 2020]).

ный ракурс анализа выбирается исключительно для прозрачности описания изучаемого явления. Однако обобщение и осмысление результатов наблюдения требуют, естественно, принимать во внимание субсистемные, системные и суперсистемные для текста связи.

Актуальность поставленных задач станет более очевидной, если вспомнить, что ПФ являются знаками особого рода, вторичными семиотическими образованиями (см. в первую очередь систему доказательства в [КАРАУЛОВ 1987; КРАСНЫХ 2002; ГУДКОВ 2003; ДОНЕЦ 2014; КРЕМНЕВА 2017]). ПФ обладают богатым номинативным и функциональным потенциалом, по-разному реализуемым в разных типах дискурса. При этом потенциал воздействия ПФ на реципиентов разнообразен, вне всякого сомнения, огромен и не сопоставим с таковым у первичных номинативных средств ни по информативности, ни по эмоциональному и экспрессивному воздействию на реципиентов из-за непосредственной связи обсуждаемых феноменов с ценностными ориентациями, актуальными для носителей языка и культуры как в принципе, так и в конкретных ситуациях взаимодействия носителей культуры (см. подробнее об анализе потенциала ПФ в художественных текстах, например, в [ГРИШАЕВА 1998: 23, 25-32; 2018а: 357-371; 2018б: 383 и след.]; ср. только два высказывания: *Я обязан это сделать. — Надо, Федя, надо!*).

3. Материал исследования

Чтобы показать обоснованность кратко охарактеризованных выше обобщений, изучены тексты Б.-Л. Ланге, порожденные, как ясно из содержания этих текстов и книгоиздательских характеристик, в период и вскоре после объединения Германии. Мотивами, побудившими обратить пристальное внимание на эти тексты, стали следующие соображения.

Изучаемые тексты рождались и публиковались в эпоху кардинальных перемен во всех сферах жизни носителей обеих частей Германии. Наиболее сильно социокультурные и психоэмоциональные трансформации личностной и коллективной идентичности единичных и коллективных субъектов затронули по известным причинам граждан экс-ГДР. В эту среду первично социализирован был автор анализируемых текстов. Поэтому правомерно говорить о том, что изучение этих текстов действительно позволяет выявить, как носители культуры с помощью

«старых» языковых средств и текстопорождающих техник, хорошо им известных, решают новые для себя коммуникативные и когнитивные задачи, как и что именно преобразуется под влиянием суперсистемных связей при организации (порождении, а также рецепции) текста (в данном случае прежде всего типов текста «скетч», «афоризм», «максима»).

Автор анализируемых текстов связал свою творческую деятельность с кабаре, став также со-основателем известного и популярного в Лейпциге (и в Германии) кабаре «Academixer». Поэтому можно утверждать, что к трансформации использования языковых средств при решении новых актуальных коммуникативных и когнитивных задач Б.-Л. Ланге имеет самое прямое отношение.

Тематически изучаемые тексты сконцентрированы на осмыслении процессов социокультурной и ментальной трансформации носителей немецкого языка. Данное обстоятельство автор четко и определенно осознает и недвусмысленно ориентирует своего читателя на со-размышление в обозначенном русле; ср. только оглавление в книге *Erinnerungen an die DDR, Die Wende, Hier und heute* (LANGE 2000: 5), а также подзаголовки книги *Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten*, однозначно подготавливающие реципиента к неожиданностям, противоречиям, контрастам, парадоксам.

Анализируемые тексты являются результатом реализации людических стратегий, которые, как известно, чрезвычайно чувствительны как к субъективному фактору в любом его воздействии на выбор и функционирование языковых средств, так и к культурной специфике пространства, в котором бытуют соответствующие людические тексты (ср. рассуждения Н. Н. Трошиной о значимости для организации текста такого фактора как мировоззрение и структура картины мира носителя языка в [TROSCHINA 1995]). Выражаясь иначе, людические тексты порождаются для реципиента с известными продуценту характеристиками, т. е. эти тексты апеллируют к культурной идентичности носителей языка и культуры. Сказанное, несомненно, означает возможность последовательно учитывать при анализе взаимодействия инварианта «тип текста» и принципов его содержательного и формального варьирования в коммуникации под влиянием таких факторов как «субъект коммуникации», «культурная среда», «агенда», «способы номинации», «соотношение культуры и субкультуры», «пути и способы сохранения и поддержания культур-

ной континуальности», «аккультурация» и др.

Автор сознательно концентрирует свое внимание на разнообразных культурно специфических реалиях, в том числе и на реалиях уходящей эпохи и исчезающего и/или исчезнувшего социума; ср., например, заголовок одного из текстов: «Streiflichter aus der DDR oder Was Historiker vermutlich nicht erwähnen würden» (LANGE 2000: 38). В книге имеются тексты с глубоким осмыслением процессов объединения и идентификации личности в изменяющихся и/или изменившихся социокультурных условиях. Эти тексты вызывают в памяти у носителей немецкого языка и культуры наиболее популярные, яркие, броские, привычные и значимые в то или иное время выражения и активизируют специфические представления о культурной действительности, присущие носителям определенного социума: ср. названия ряда текстов: «Bonzenschleuder und Rennrappe» (Там же: 24), «Altmodisch» (Там же: 63), «Die Zwei-Klassen-Gesellschaft» (Там же: 69), «Brüder» (Там же: 101), «Straßenbrandzeuge der Geschichte» (Там же: 121), «Zwischenbilanz» (Там же: 123). Многие из реалий, на которых концентрирует внимание Б.-Л. Ланге, оказываются «своими» только для граждан экс-ГДР или нередко только для жителей Лейпцига. Поэтому некоторые тексты для многих читателей являются по существу средством своего рода аккультурации, обеспечивая им возможность адекватно осмысливать новую для себя реальность и развивая способность продуктивно взаимодействовать с гражданами экс-ГДР.

Поэтому вполне ожидаемо, что анализируемые тексты богаты разнообразными ПФ, которые в своем большинстве специфичны для культурного пространства экс-ГДР (см. примеры ниже). Следовательно, весьма высока вероятность потенциально неадекватного осмысления ПФ субъектами с иной культурной идентичностью, в том числе и гражданами «старой» ФРГ.

Интересно также заметить, что ПФ довольно частотны в текстах объемом в одно сверхфразовое единство и/или в одно предложение-текстему; ср.:

Im Sozialismus, so wurde immer wieder behauptet, ist der Mensch dem Menschen kein Wolf mehr. Richtig! Hier musstest³ du Fuchs sein! (Там же: 12).

---

³ Здесь и ниже цитаты приводятся согласно новой орфографии, хотя в оригинале текст оформлен по старым орфографическим правилам.

Важно подчеркнуть, что на 126 страницах таких текстов 127, например: «Kinder stellen Fragen, die den Lehrern längst nicht mehr einfallen» (Там же: 74), «Wer seiner Zeit voraus ist, findet oft keine Gesprächspartner» (Там же: 58), «Neben den Toten fand man die Mordwaffe: ein Schlagwort» (Там же: 9). Способы апелляции к ПФ в таких текстах разнообразны: игра слова, парафраз, аллюзия, пародирование, прямое и косвенное цитирование и др. (см. также примеры ниже).

Перечисленные особенности, вне всякого сомнения, весьма характерны в текстотипологическом отношении не только для анализируемых текстов, но и для осмысления того, насколько закономерны изменения в семантической, синтаксической, функциональной организации текста того или иного типа, обусловленные социокультурными трансформациями.

4. Методика исследования

Отобранный материал включает тексты, текстоорганизующим стержнем которых являются ПФ разного типа, актуальные для граждан ГДР. Эти тексты анализируются согласно общепринятым текстограмматическим приемам под разными углами зрения: логическим, морфологическим, синтаксическим, лексико-семантическим, формально-структурным, словообразовательным, стилистическим, функциональным и семиологическим. Во внимание принимаются также текстоорганизующие потенции изучаемых ПФ на фоне микротекста (или сверхфразового единства), макротекста и их связей с другими текстами, бытующими с анализируемыми либо синхронно, либо асинхронно в одном культурном и/или субкультурном пространстве. При осмыслении функционального потенциала ПФ учитываются особенности функционирования последних, выявляемые при атомистическом и холистическом подходе к анализу. Сказанное означает учет субсистемных (связи в пределах текстемы и микротекста), системных (связи между текстами одного типа) и суперсистемных связей (субкультура и культура как контекст).

4. Результаты исследования и их обсуждение

Обобщение полученных результатов позволяет определить, для реализации какой стратегии и для решения какой именно коммуникативной и когнитивной задачи продуцент предпочитает выбрать ПФ из комплекса изофункциональных средств, которыми располагает языковая культура на тот или иной момент.

4.1. Внутритекстовый потенциал прецедентных феноменов

Для осмысления функционального потенциала ПФ необходимо определить, в чем заключаются текстоорганизующие потенции⁴ ПФ, наиболее ярко проявляющие себя в текстосемантическом⁵ отношении. Для этого следует помнить, что ПФ, каким бы способом к нему ни апеллировал продуцент текста, активизирует обширный и существенный пласт разнородных в качественном, количественном и формальном отношении сведений, тесно связанных с ценностными ориентациями. Тем самым при рецепции текста конструируется более или менее однозначный для носителей культуры аксиологический контекст, который способен порождать и существенно преобразовать когнитивный фон с определенным аксиологическим знаком, на котором реципиент будет осмыслять активизируемые сведения о мире и подводить их под аксиологическую и/или иную категорию (см. подробный анализ в [ГРИШАЕВА 1998; 2018а; 2018б; КРЕМНЕВА 2017; GRISCHAEVA 2016]). Тем самым понятно, почему и для чего ПФ становятся одним из излюбленных средств реализации разнообразных манипулятивных стратегий (см. примеры ниже).

Еще одним аргументом в пользу особой значимости текстосемантического потенциала ПФ является более или менее однозначно предсказуемый эмоциональный отклик реципиента на текст, содержащий тот или иной ПФ (см. примеры выше и ниже).

В текстосинтаксическом отношении необходимо обратить также внимание на то, что ПФ устанавливают контактные и дистантные связи по разным основаниям не только в пределах одного сверхфразового единства, но и одновременно и с другими

---

⁴ Текстоорганизующие потенции того или иного элемента текста проявляются в установлении содержательных и формальных связей этого элемента с пред- и/или посттекстом. Такие связи прослеживаются по лексико-семантическим, словообразовательным, морфологическим, синтаксическим, формально-структурным, стилистическим, логическим основаниям и служат установлению когерентности текста.

⁵ Текстосемантический или текстосинтаксический виды анализа содержательной, формальной, функциональной структуры текста предполагают описание разнообразных внутри-, межтекстовых, интратекстуальных связей, выявляемых соответственно по разнородным семантическим или синтаксическим основаниям (см. подробнее в [ГРИШАЕВА 2020]).

сверхфразовыми единствами текстового целого, а также с многочисленными текстами, в которых так или иначе активируются аналогичные сведения (см. анализ с детальным комментарием в [ГРИШАЕВА 1998; 2018а; 2018б; КРЕМНЕВА 2017; GRISCHAEVA 2016]).

Характерно, что в разных дискурсах и на разных этапах бытования конкретной культуры набор ПФ, связанных с ценностными ориентациями, актуальными в конкретном культурном сообществе, оказывается разным даже в одном культурном пространстве (см. примеры ниже). Поэтому понятно, что к одной и той же ценностной ориентации в один и тот же период развития культуры ее носители могут апеллировать, обращаясь к разным ПФ (см. примеры ниже). Данное замечание справедливо и по отношению к конкретному носителю языка и культуры; ср. обобщение наблюдений о наборе ПФ, к которым обращаются носители одной и той же культуры, одного и того же социального слоя, но имеющих разные убеждения (см. подробнее в [ГРИШАЕВА 1998: 25-28, 29-32; 2018а: 361-364, 365-369]).

В силу этого ПФ имеют тесные содержательные и формальные связи с пред- и/или посттекстом. Первые могут быть как эксплицитными, так и имплицитными. Первые выявляются по комментариям к содержанию ПФ и/или конкретизации его содержания в тексте, детализации соответствующих сведений в тексте. Вторые прослеживаются не столько через семантические связи разной этимологии и способы объективации ПФ, сколько в опоре на сведения, со-активируемые названными языковыми средствами. Как ясно из приводимых примеров, в них абсолютно доминирует имплицитный способ. Это можно частично объяснить текстотипологическими особенностями афоризмов, максимум, а также скетчей, с одной стороны, и особенностями реализации людических стратегий в культуре, — с другой.

Еще одной значимой характеристикой следует признать также способность ПФ конструировать более или менее предсказуемый для обоих коммуникантов — продуцента и реципиента — аксиологический фон и задавать рамку восприятия сведений, активизируемых и со-активируемых в актуальных условиях. Данное свойство обусловлено тем, что ПФ в силу своих феноменологических свойств рационально и эмоционально значимы для многочисленных поколений носителей культуры (см. критерии ПФ в [КАРАУЛОВ 1987]). В силу этого воздействие ПФ

на коммуникантов потенцируется, поскольку носители языка реагируют на них эмоционально, даже если рациональное воздействие может быть не столь значительным и/или значимым, как эмоциональное; ср.: Scheuklappen sind lediglich eine Sehhilfe. Sie korrigieren den Blick nach vorn. (LANGE 2000: 57) (см. также примеры выше и ниже).

Значимость отмеченных свойств ПФ возрастет в глазах исследователя, если принять во внимание соотношение эксплицируемого и имплицитного в тексте и/или дискурсе. Применительно к анализируемым явлениям такое соотношение чрезвычайно вариативно и коррелирует с типом коммуникативной стратегии, характером коммуникативной и когнитивной задачи и формой объективации и номинации ПФ; ср.: Der Wahrheit die Ehre geben, ist noch die einfachste Art, sie nicht zu sagen (Там же: 57).

Отмеченные обстоятельства и позволяют трактовать ПФ как средство установления и поддержания культурной континуальности, как культурные скрепы между субкультурами в синхронии и диахронии (ср. систему аргументации в [ГРИШАЕВА 1998; 2018а; 2018б; GRISCHAEWA 2016]). В связи с этим показателем заголовок «Bonzenschleuder und Rennrappe» (LANGE 2000: 24), особенно с учетом его содержательных связей со вторым абзацем соответствующего текста:

Ja, liebe Leserinnen und Leser, wenn Sie nicht aus den neuen Bundesländern stammen und nicht wenigstens 30 Jahre zählen, dann können Sie mit diesen Wörtern nichts mehr anfangen. Es sind zwei Belege für die Kreativität des Volksmundes in der DDR. Sicher unerschöpflich erfand er Namen für Dinge und Situationen des Lebens, originelle Bezeichnungen, die manchmal auch den Ansatz von Widerstand in sich tragen. Diese Wörter sind sozusagen die kürzesten politischen Witze, die es gibt (Там же: 24).

Интересно проследить внутритекстовые связи в пределах процитированного сверхфразового единства, в котором, что важно, не раскрывается смысл приведенных номинаций, хотя и говорится об их прецедентности и общеизвестности для определенной категории носителей немецкой культуры: Bonzenschleuder und Rennrappe — mit diesen Wörtern — zwei Belege für die Kreativität des Volksmundes in der DDR — Diese Wörter, которые в свою очередь имеют по разным основаниям внутритекстовые связи с другими компонентами текста (Там же: 24-32] и иными

ПФ, бытующими в той же социокультурной среде.

Названная характеристика интересна и показательна в текстотипологическом отношении тем, что ПФ являются маркерами культурной идентичности (ср. анализ конкретных проявлений в [КАРАУЛОВ 1987; КРАСНЫХ 2002; ГУДКОВ 2003]) и вместе с тем эффективным средством конденсирования информации (см. подробную аргументацию сказанному и детальный анализ в [ГРИШАЕВА 2018а: 352-360; 2018б: 380-387]). Причиной последнего из свойств, имманентных ПФ, является то, что незнание их «есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» (КАРАУЛОВ 1987: 216). Будучи общеизвестными в соответствующей культуре и активизируя существенный массив культурно специфических сведений, ПФ экономят в интеракции когнитивные и коммуникативные усилия носителей культуры. Данная трактовка правомерна уже только потому, что сама номинация активизирует и со-активизирует у коммуникантов сведения о комплексе разных типов ситуаций, на обозначение которых «специализируется» ПФ. Упоминания заслуживают следующие: сведения о категории деятелей, о специфических характеристиках этих деятелей, об особенностях их мировосприятия и т. д., о ситуации, когда носители культуры прибегают в коммуникации к данному вторичному семиотическому образованию, и др. В силу этого ПФ становятся, с одной стороны, своего рода средством солидаризации носителей культуры в целом, а не только способом установления взаимопонимания между продуцентом и реципиентом конкретного текста. С другой стороны, ПФ превращаются действительно в экономный и эффективный способ уплотнения информационного потока в силу своей общеизвестности в культуре, поскольку такое номинативное средство не требует ни от продуцента, ни от реципиента точных и детальных знаний, развернутых комментариев, необходимых для однозначной идентификации в коммуникации обозначаемого явления.

Таким образом, очевидно, что закономерная вариативность в коммуникации (в дискурсе и в тексте) заложена уже в природе ПФ. Естественно, это не исключает креативности и уникальности отдельных номинативных решений конкретным единичным субъектом как носителем личностной идентичности. Однако выбирать первичное или вторичное номинативное средство, апеллировать к тому или иному ПФ единичный субъект будет из то-

го набора изофункциональных средств, который имеется в конкретной культуре на определенный момент. А эти сведения относятся к знанию, разделяемому всеми носителями языка и культуры. Более того, эти знания входят в ядерную часть ментальной структуры коллективной идентичности коллективного и единичных субъектов, которая наиболее устойчива на протяжении многих и многих поколений.

4.2. Прецедентные феномены как средство конденсирования информации

Тот факт, что в анализируемых текстах ПФ нередко в однословных, однопредложенческих текстах, побуждает задаться вопросом о степени случайности и/или закономерности использования ПФ как средства реализации когерентности текста и конденсирования информации. Способность ПФ уплотнять информацию в коммуникации, очевидно, базируется на том, что ПФ, будучи вторичным семиотическим образованием, выражается минимумом языковых средств: одной лексемой, одной группой слов, одним предложением (см. примеры ниже). Однако такой минимум средств вербализации активизирует и со-активирует у коммуникантов огромный комплекс сложноорганизованных разнородных сведений о мире. Важно при этом помнить и четко осознать, что подавляющее большинство сведений, значимых для актуального акта познания и коммуникации, не эксплицируется в коммуникации, но определенно образует основу для более или менее предсказуемой концептуализации и категоризации сведений, тем или иным образом вербализуемых в коммуникации и вообще объективируемых.

Наряду с названными эффектами нельзя не упомянуть еще одну функцию ПФ по отношению к их способности структурировать информационный поток через активизацию стереотипов сознания, значимых для конкретной культуры. Последние представляют собой культурно специфические образцы обработки сведений о мире, воспринимаемых носителями языка и культуры в актуальном акте познания и коммуникации. Стереотипы сознания, будучи генерализациями высокого порядка и обеспечивая по этой причине быструю обработку в коммуникации комплекса воспринимаемых сведений, несомненно, минимизируют когнитивные усилия коммуникантов и тем самым в высокой степени надежности гарантируют эффективность взаимодействия между

представителями одной культуры. В результате под влиянием актуальных факторов в актуальной интеракции варьирует соотношение когнитивного фона и когнитивной фигуры в комплексе сведений, воспринимаемых коммуникантами здесь и сейчас. Структурирование информационного потока проявляется в определении/изменении соотношения нового и старого, известного и неизвестного, в выборе перспективы восприятия, определении когнитивной рамки восприятия и др. Это не может не сказаться на выборе способа развития информации в тексте через тема-рематическую прогрессию, на выборе способа обозначения ситуации и отдельных элементов ситуации, на варьировании соотношения эксплицитного и имплицитного в тексте и др., т. е. на способах и средствах семантической, синтаксической, формальной и функциональной организации текста.

Анализ отобранных текстов позволяет выявить, что ПФ являются к тому же средством реализации разных дискурсивных стратегий. Это свойство, по всей видимости, не зависит ни от тематической сферы, ни от способа апелляции к ценностным ориентациям и/или способа активизации ПФ в коммуникации, ни от типа ПФ.⁶ Думается, вряд ли возможно будет проследить

---

⁶ Типы ПФ можно выделять на основании разных критериев. Так, большинство исследователей предпочитают говорить о следующих типах: прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя по характеру референта (ситуация, объект, субъект) (КРАСНЫХ 2002; ГУДКОВ 2003 и мн. др.). Но типологию ПФ можно выстроить иначе, например, по степени проявления универсального/культурно специфического, по принадлежности к определенному поколению носителей коммуникантов, характеру идентичности (личностной и/или коллективной) продуцента, по источнику ПФ (художественное произведение, деятельность коммуникантов, миф, легенда, национальный эпос и пр.), по особенности интенции, особенности ценностных ориентаций, по характеру связи с ценностными ориентациями, типу дискурса, типу коммуникативной ситуации и др. См. матрицу, в которой объединены разнородные критерии, на основе которых выстраивается разноуровневая типология ПФ, учитывающая также их функциональный потенциал, среду бытования и цели коммуникантов, предпочитающих решать свои коммуникативные и когнитивные задачи с помощью ПФ, а не первичных номинативных средств. Это означает, что при анализе ПФ

те или иные устойчивые корреляции между характером, типом ПФ, с одной стороны, и типом дискурсивной стратегии, а также формой бытования ПФ (одна лексема, одно предложение-высказывание, одна группа слов разной структуры), не зависящей от типа ПФ и функциональной среды, — с другой. Причину этому следует искать, вероятно, как в свойствах ПФ, так и в структуре интеракции, реализуемой в тех или иных условиях при достижении коммуникантами определенной для них цели. Поэтому нередки амбивалентные трактовки; ср. ряд примеров, иллюстрирующих разные способы уплотнения информационного потока при решении автором, Б.-Л. Ланге, различных задач:

— характеристика (критика) реальности через демонстрацию причинно-следственных отношений от противного: *Wenn das mit der Obst- und Gemüseversorgung im Land so weitergegangen wäre, hätte man zukünftig die Stilleben aus den Museen entfernt* (LANGE 2000: 11) (опосредованная со-активация сведений о типичных условиях взаимодействия носителей культуры при решении конкретной коммуникативной задачи);

— конструирование реальной действительности через виртуальную: *Oktober 89. Alle Eingaben hatten nichts genutzt. Wir mussten etwas größer schreiben. So entstanden Transparente* (Там же: 41), *Es wurden täglich weitaus mehr Nachrichten als Köpfe frisiert* (Там же: 117), *Die Unfähigkeit, das Passende zu sagen, hält sich zum Glück mit der Fähigkeit, das Unpassende zu antworten, die Waage* (Там же: 61) (косвенное цитирование + со-активация сведений через апелляцию к привычным для носителей культуры действиям разных категорий коммуникантов с их разным спектром действий);

— анализ мотивации носителей языка и культуры: *Beim Aussprechen der Wahrheit überkam ihn immer ein unbeschreibliches Schwindelgefühl* (Там же: 43), *Auf Selbstbetrug gibt es immer Bewährung* (Там же: 62) (аллюзия на привычные действия в социуме так называемого обывателя);

— экспликация конфликта между реальностью и официозом: *Der Kunde war nicht König, sondern Bettelmann* (Там же: 11) (активизация сведений от противного, пародирование, контраст

учитываются как статические, так и динамические характеристики анализируемых явлений (ГРИШАЕВА 2018б: 384-386).

между официозом и реальной действительностью);

— сопоставление содержания привычных лозунгов с действительностью: “Man muss”, meinte der Redner, “die Realität immer wieder an der Wirklichkeit überprüfen!” (Там же: 12) (немного модифицированная цитата, наиболее часто встречающаяся в научных кругах), “Ich will vorwärts kommen”, sagte das Quadrat, “ich will in bessere Kreise!” (Там же: 51), “Wir ringen um eine sozialistische Lebensweise.” Dabei boxte man sie durch (Там же: 15), Der Zeitgeist: ein bestechliches Gespenst (Там же: 61) (игра с прецедентными высказываниями по поводу наиболее типичных для «обычных» носителей культуры и языка);

— учет причинно-следственных связей при критике властей: Als der Stein seines Denkanstoßes ins Rollen kam, brachte er sich rechtzeitig in Sicherheit (Там же: 12), Früher mussten wir das “Kapital” nur lesen, aber nun ist es da! (Там же: 51) (пародирование, парафраз, со-активация сведений через знание аналогичных ситуаций и реакций на них со стороны коммуникантов, активизация знаний об успешных способах обходить запреты);

— характеристика определенной категории людей, стремящихся к успеху любой ценой: Von seinem Erfolg leistete er sich ein paar Ideale (Там же: 115), Der Lorbeerkranz: ein geflochtenes Küchenkraut (Там же: 115) (со-активация сведений через активизацию реакций на аналогичные ситуации).

Очевидно, что ПФ, в какой бы форме они не активировались в дискурсе и не фиксировались в соответствующем тексте (аллюзия, прямое или косвенное цитирование, игра слов, парафраз, пародия, контраст, полисемант и др.), устанавливают многочисленные межтекстовые и интертекстуальные⁷ связи с другими текстами, хорошо известными всем гражданам экс-ГДР: документами СЕПГ, речами государственных деятелей ГДР, высказываниями мелких и крупных чиновников, содержанием школьных и вузовских учебников по ряду дисциплин, текстами, обязательными для изучения всеми категориями граждан, с устными текстами, содержащими критику властей и положения дел в стране и бытующими в строго определенных ситуациях, с теле- и радиопрограммами из ФРГ, передовицами из газет, изда-

---

⁷ О разграничении межтекстовых и интертекстуальных связей см. подробнее в (Гришаева 2020).

вавшихся в ГДР, и др.; ср.: Die DDR war sehr musikalisch. Man bildete ständig Komponisten für Zukunftsmusik aus (Там же: 14), Wie soll ich denn wissen, ob mich die Bardot geliebt hätte, wenn ich nicht nach Paris durfte!?! (Там же: 18), Welch ein Land! Was wir uns leisten konnten! Zum Beispiel Diplomingenieure, die Freitag vormittag beim Bäcker anstanden! (Там же: 12), Die Universität ist eine Schmiede der Nation. Darum kommen auch so viele Behämmerte heraus (Там же: 74) (игра слов, пародирование действий, со-активация сведений о способе реагирования на аналогичные ситуации в известных ситуациях, знание о несовпадении действий и способах проговаривания о действиях в этих условиях).

Обращает на себя внимание то, что ПФ, в какой бы форме они не использовались в тексте в качестве средства реализации той или иной коммуникативной стратегии, активируют и со-активируют у носителей культуры знакомые и привычные им сведения о том, как действовали они в известных им ситуациях, как они реагировали на определенные лозунги, какие последствия им приходилось иметь в виду в том или ином случае, как они рассказывали об этом разным категориям собеседников и пр. А погружение этих связей в новый социокультурный контекст — die Wende / объединение Германии — разными способами (ср. заголовки книги, название разделов, прямое и косвенное цитирование привычных лозунгов, напоминание о стратегиях выживания и обыденных привычках и пр.) не может не придать реципиенту уверенности в успешности их адаптации к изменившимся коренным образом условиям. Этот эффект не стоит недооценивать, потому что он снимает неопределенность, которая психологически может стать весьма болезненной в ситуации когнитивного диссонанса, в котором оказались граждане экс-ГДР, а также в меньшей степени и граждане «старой» ФРГ в период объединения Германии.

Анализ текстов, при установлении когерентности в которых особо значимыми оказываются ПФ, по-разному выражаемые и представляющие собой разные типы, позволяет объяснить, почему подобная организация текста становится максимально востребованной именно в ситуациях социокультурного слома и кардинальных социальных преобразований, в ситуациях неопределенности и выраженного когнитивного диссонанса, очевидного как для продуцента, так и для реципиента текста. По всей види-

мости, апелляция к ПФ, т. е. к чему-то постоянному, известному, понятному, предсказуемому, помогает носителю языка и культуры лучше ориентироваться в неустойчивых условиях, в ситуации неопределенности, и увереннее принимать решения относительно своих действий в настоящем и будущем, т. е. использовать свой опыт хотя бы в психоэмоциональном плане, если паттерны взаимодействия оказываются — или кажутся — неприемлемыми и или мало эффективными в актуальной интеракции.

Обобщая наблюдения над текстами анализируемого типа, необходимо подчеркнуть одно положение, воспринимаемое, на первый взгляд, как банальность: приведенные примеры показывают, что одну и ту же коммуникативную и когнитивную задачу можно решать с помощью разных средств. Это справедливо по отношению к отдельным типам ПФ, а также к способам его активизации в дискурсе и к форме выражения в конкретной интеракции (см. приведенные примеры). Однако по отношению к ПФ данная вполне ожидаемая констатация приобретает особый вес, поскольку в стандартных случаях между формой выражения ПФ, с одной стороны, и сферой его бытования в культуре и его функционалом, с другой, имеется довольно устойчивая и мало вариативная связь. Это обусловлено свойствами ПФ: для носителей языка и культуры они, как это установил в свое время Ю. Н. Караулов, (1) значимы в познавательном и эмоциональном отношении, (2) имеют сверличностный характер и известны в силу этого разным поколениям, (3) способны оставаться востребованными неоднократно на протяжении многочисленных поколений носителей культуры (КАРАУЛОВ 1987: 216).

К названным свойствам можно добавить еще одно: поскольку языковая личность обращается к ПФ неоднократно на протяжении многих веков, в них варьирует КАК, а не ЧТО (ГРИШАЕВА 1998: 18-19); ср.: Rückblick. Die Sieger der Revolution sind nicht die Gewinner (LANGE 2000: 48) (ср. традиционное: Революцию совершают романтики, а пользуются ее плодами негодяи. Или: Революция пожирает своих детей). Поэтому при изменении когнитивного фона содержание (и смысл) некоторого ПФ подвергается неизбежному переосмыслению при сохранении устойчивой связи с ценностной ориентацией, которая

(связь) остается постоянной⁸ в культуре несмотря на вероятное преобразование конфигурации⁹ ценностных ориентаций в картине мира носителей языка и культуры в тот или иной период развития конкретной языковой культуры. Ср., например, окончание текста «Vorsichthalber»: ...Von den 500 Mitarbeitern wurden dreihundert entlassen. Vorsichthalber vor allem die ehemaligen Demonstranten (Там же: 46).

Поэтому ясно, что варьирование текстоорганизующих потенций ПФ — и тем самым варьирование семантической и синтаксической структуры текста — подпадает под воздействие факторов-катализаторов и факторов-ингибиторов подобных изменений. Изменение культурной среды, изменение конфигурации ценностных ориентаций в социуме становятся катализаторами, вызывающими расширение, дифференциацию и/или сужение функциональной сферы того или иного ПФ. По всей видимости, факторы подобного рода как минимум благоприятствуют описанным выше трансформациям.

Основным и наиболее значимым фактором-ингибитором же следует признать ядерную часть структуры коллективной идентичности, в которой хранятся представления о наиболее ценных, поощряемых и всячески культивируемых в культуре качествах личности и о способах социализации единичных субъектов в желательном для культуры направлении. Это обусловлено тем, что в ядерной части ментальной структуры идентичности хранятся наиболее устойчивые к изменениям процедуральные и декларативные сведения, а также паттерны организации взаимодействия между носителями языка и культуры в тех или иных условиях.

Относительно нейтральными по отношению к варьированию функционала ПФ в культуре являются закономерности внутритек-

---

⁸ Независимо от исторической реальности и конкретных действий соответствующих персонажей *Илья Муромец*, *Владимир Красно Солнышко* — это всегда хорошо для носителей русского языка, а *Барбаросса* — плохо, хотя прецеденты *Барбаросса* и *Владимир Красно Солнышко* выполняют в своих культурах вполне сопоставимые функции. Вспомним также реакцию на фразу *ключ от квартиры, где деньги лежат*.

⁹ Насколько значимой является конфигурация элементов в некоторой структуре, можно показать на примере углерода, который обнаруживает разные свойства из-за разной конфигурации связей между атомами в графите и алмазе.

стовой организации. Изменение последней причинно коррелирует с формой выражения ПФ и способом активации сведений, хранящихся в его ментальной структуре (см. примеры выше). Для ПФ как средства установления когерентности соответствующего текста в этом смысле оказываются наиболее значимыми субсистемные, т. е. внутритекстовые, связи.

Выражаясь иначе, следует подчеркнуть: для функционирования ПФ наиболее важными для различных трансформаций содержательной, формальной, функциональной организации соответствующих текстов оказываются суперсистемные связи в тексте: социокультурные, социопсихологические изменения, структура культурной идентичности субъекта познания и коммуникации, способы организации интеракции и др. Этим можно объяснить и активное обращение носителей языка и культуры к ПФ в эпоху перемен и глубоких социальных трансформаций. В подобных ситуациях ПФ становятся эффективным и экономным средством поддержания коллективной идентичности коллективного субъекта, средством поддержания и воспроизводства культурной континуальности в синхронии и диахронии, способом сохранения преемственности поколений и укрепления межпоколенческих связей в культуре.

5. Выводы

Одной из ярких актуальных тенденций в организации текстов разного типа является на современном этапе уплотнение интертекстуальных связей, сопровождаемое активным обращением к ПФ. Последние, будучи интеллектуально и эмоционально значимыми для носителей языка и культуры, общеизвестными и востребованными представителями многочисленных поколений, становятся эффективным и надежным средством структурирования информационного потока в дискурсе, его уплотнения и в силу этого средством экономии когнитивных и коммуникативных усилий, обеспечивая коммуникантам быстрое, предсказуемое и эмоционально значимое достижение целей в дискурсе, а также комфортное течение интеракции.

В силу того, что в дискурсе комплекс сведений, содержащийся в ментальной структуре ПФ любого типа, называется минимумом языковых средств (одна лексема, одна группа слов разной структуры, одно предложение-высказывание), подобное решение коммуникативной и когнитивной задачи в интеракции

оказывается весьма эффективным. Данное обстоятельство оказывается весьма выигрышным для коммуникантов, так как минимум языковых средств активизирует и со-активирует огромный пласт разнородных, четко структурированных сведений о мире, которые к тому же помещаются автоматически в известный всем в культуре аксиологический контекст. Эти сведения, однако, в коммуникации имплицитуются, т. е. не объективируются в актуальном акте познания и коммуникации. Но поскольку ими владеют все носители языка и культуры, никаких сбоев в коммуникации не наступает: коммуниканты как носители языка и культуры хорошо знают, в каких коммуникативных условиях, для чего и каким образом эти сведения активизируются. Поэтому они легко считывают явные и даже якобы скрытые мотивы своего партнера по коммуникации.

ПФ активно используются в качестве средства реализации манипулятивных стратегий в особенности в медиапространстве и в общественно-политическом дискурсе, чтобы сплотить реципиентов, вызвать у них чувство солидарности и сопричастности к актуальным общественным проблемам, чтобы, наконец, категоризовать участников интеракции как «своих», четко отграничивая при этом «чужих».

Характерно, что в силу феноменологических свойств ПФ эффект от воздействия одного и того же ПФ на разных реципиентов в одних и тех же коммуникативных условиях может быть разным из-за различий в конфигурации ментальной структуры личностной идентичности единичных субъектов и по причине единства коллективной идентичности у носителей одной культуры. Поэтому тексты, содержащие ПФ, оказываются для реципиента более экспрессивными и эмотивными, более содержательными, чем «обычные» тексты, даже если последние могут быть насыщенными разнообразными стилистическими средствами.

По этой причине тексты, содержательным стержнем которых является ПФ, обеспечивают варьирование текста как в семантическом и формальном, так и в функциональном отношении. Их текстоорганизующие потенции основываются на семиотических, когнитивных, семантических, формально-структурных, функциональных особенностях ПФ и требуют анализа одновременно на микро- и макротекстовом уровне с учетом устанавливаемых ими межтекстовых связей с текстами разных типов в раз-

ных типах и форматах дискурса, а также в культурном пространстве в целом. Важно подчеркнуть, что по названным причинам один и тот же ПФ реализует свой функциональный потенциал одновременно как во внутритекстовом, так и межтекстовом пространстве, способствуя структурированию информационного потока в культурном пространстве в целом.

Описанные признаки функционирования ПФ в текстах разных типов целесообразно характеризовать как закономерные, поскольку описанные свойства присущи любым типам ПФ в любых типах и форматах дискурса и применительно к характеру решаемой коммуникативной и когнитивной задачи разными категориями коммуникантов.

Относительно случайным можно назвать выбор конкретного ПФ как средства реализации определенной коммуникативной стратегии. Относительно случайным это свойство является потому, что одна и та же стратегия в культуре может реализовываться разными способами и с помощью разных средств, в том числе, однако, не обязательно через апелляцию к ПФ. Поскольку к ценностным ориентациям можно апеллировать как напрямую, так и опосредованно, а также от противного, выбор конкретного способа активации ПФ в коммуникации следует признать, пожалуй, случайным, так как это зависит от особенностей личностной идентичности единичного субъекта и от актуальных коммуникативных условий при реализации конкретной интеракции.

Важной характеристикой функционирования ПФ является то, что при всем разнообразии содержательной и формальной вариативности текстов, в которых присутствуют ПФ, набор последних, т. е. ПФ, относительно устойчив в количественном и качественном отношении на протяжении многих поколений носителей языка и культуры. Однако выбор конкретного ПФ, активирующего связь с определенной ценностной ориентацией, в большей мере зависит от особенностей коллективной, а не личностной идентичности продуцента текста и находится в гармонии с особенностями коллективной идентичности реципиента как коллективного субъекта.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Анисимова Е. Е.* Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М.: МГЛУ, 2019. [Anisimova, Yelena Ye. (2019) *Religijsnyy diskurs: funktsionalnyy i antropologicheskyy aspekty* (Religious Discourse: Functional and Anthropological Aspects). Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russian)].
- Бабенко Н. С.* Textsortenlinguistik vs. лингвистическое жанроведение // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 5. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 235—244. [Babenko, Nataliya S. (2009) Textsortenlinguistik vs. lingvisticheskoye zhanrovedeniye (Textsortenlinguistik vs. Linguistic Genre Studies). In Babenko, Nataliya S. (ed.) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 5. Moscow: LRC Publishing House, 235—244. (In Russian)].
- Гришаева Л. И.* Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1998. [Grishayeva, Lyudmila I. (1998) *Arminiy, Barbarossa, vedmy s Brokена i drugiye: nemetskiy yazyk i kultura cherez prizmu nemetskiikh pretsedentnykh tekstov* (Arminius, Barbarossa, the Witches of Brocken, and Others: German Language and Culture through the Prism of German Case Texts). Voronezh: Voronezh State University. (In Russian)].
- Гришаева Л. И.* Прецедентный текст как универсальное средство передачи и хранения всех культурных фактов народа // Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Теория межкультурной коммуникации: проблемы, подходы, анализ. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2018а. С. 340—371. [Grishayeva, Lyudmila I. (2018a) Pretsedentnyy tekst kak universal'noye sredstvo peredachi i khraneniya vsekh kul'turnykh faktov naroda (The Precedent Text as a Universal Means of Transmitting and Storing all the Cultural Facts of the People). In Grishayeva, Lyudmila I., & Tsurikova, Larisa V. *Teoriya mezhkul'turnoy kommunikatsii: Problemy, podhody, analiz* (Theory of Intercultural Communication: Problems, Approaches, Analysis). Voronezh: Voronezh State University, 340—371. (In Russian)].
- Гришаева Л. И.* Типология прецедентности и культурная континуальность, или К вопросу о культурных скрепах // Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Теория межкультурной коммуникации: проблемы, подходы, анализ. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2018б. С. 371—388. [Grishayeva, Lyudmila I. (2018b) Tipologiya pretsedentnosti i kul'turnaya kontinual'nost', ili K voprosu o kul'turnykh skrepakh (The Typology of Precedent and Cultural Continuity, Or On the Issue of

- Cultural Staples). In Grishayeva, Lyudmila I., & Tsurikova, Larisa V. *Teoriya mezhekul'turnoy kommunikatsii: Problemy, podhody, analiz* (Theory of Intercultural Communication: Problems, Approaches, Analysis). Voronezh: Voronezh State University, 371—388. (In Russian)].
- Гришайева Л. И. Варьирование текста в коммуникации. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. [Grishayeva, Lyudmila I. (2020) *Varyirovaniye teksta v kommunikatsii* (Text Variation in Communication). Voronezh: Nauka-Yunipress. (In Russian)].
- Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. [Gudkov, Dmitriy B. (2003) *Teoriya i praktika mezhekul'turnoy kommunikatsii* (Theory and Practice of Intercultural Communication). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Донец П. Н. Прецедентные или прототипические феномены? К вопросу об одном лингвокультурологическом понятии // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты / под ред. Л. В. Цуриковой, Л. Ю. Щипициной. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 429—439. [Donets, Pavel N. (2014) *Pretsedentnyye ili prototipicheskiye fenomeny? K voprosu ob odnom lingvokulturnom ponyatii* (Precedent or Prototypical Phenomena? On the Issue of one Linguistic and Cultural Concept). In Tsurikova, Larisa V., & Shchititzyna, Larisa Yu. (eds) *Subyekt poznaniya i kommunikatsii: yazykovyye i mezhekul'turnyye aspekty* (Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Cross-cultural Perspectives). Voronezh: Nauka-Yunipress, 429—439. (In Russian)].
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. [Karaulov, Yuriy N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* (Russian Language and Language Personality). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. [Krasnykh, Viktoriya V. (2002) *Etnopsikhologivistika i lingvokul'torologiya* (Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology). Moscow: Gnosis. (In Russian)].
- Кремнева А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры. Барнаул: Алтайский ГТУ им. И. И. Ползунова, 2017. [Kremnyova, Anna V. (2017) *Intertekstual'nost' kak odna is form mezhtektovogo vsaimodeistviya v semioticheskom prostranstve kul'tury* (Intertextuality as One of the Forms of Intertextual Interaction in the Semiotic Space of Culture). Barnaul: Altai State Technical University. (In Russian)].
- Трошина Н. Н. Смешение текстовых моделей как прием в рекламном дискурсе // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Т. 5. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 334—339. [Troshina, Natalya N. (2009) *Smesheniye tekstovyykh modeley kak*

- priyom v reklamnom diskurse. In Babenko, Nataliya S. (ed.) *Russkaya germanistika: Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists). Vol. 5. Moscow: LRC Publishing House, 334—339. (In Russian)].
- Трошина Н. Н. Проблемы языковой культуры, языковой критики и языковой рефлексии в современной немецкоязычной германистике // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты / под ред. Л. В. Цуриковой, Л. Ю. Щипициной. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 414—429. [Troshina, Natalya N. (2014) Problemy yazykovoy kul'tury, yazykovoy kritiki i yazykovoy refleksii v sovremennom nemetsko-yazychnoi germanistike (Problems of Language Culture, Language Criticism, and Language Reflection in Modern German-language Germanic Philology). In Tsurikova, Larisa V., & Shchititzyna, Larisa Yu. (eds) *Subyekt poznaniya i kommunikatsii: yazykovye i mezhkul'turnye aspekty* (Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Cross-cultural Perspectives). Voronezh: Nauka-Yunipress, 414—429. (In Russian)].
- Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. М.: КомКнига, 2005. [Chernyavskaya Valeriya Ye. (2005) *Interpretatsiya nauchnogo teksta* (Interpretation of the Scientific Text). Moscow: KomKniga. (In Russian)].
- Щипицина Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: лингвистический аспект анализа. М.: КРАСАНД, 2010. [Shchititzyna, Larisa Yu. (2010) *Kompyuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: lingvisticheskiy aspekt analiza* (Computer-mediated Communication: the Linguistic Aspect of Analysis). Moscow: Krasand. (In Russian)].
- Щипицина Л. Ю. Текстовая организация социальной сети как гипержанра Интернет-коммуникации // Субъект познания и коммуникации: языковые и межкультурные аспекты / под ред. Л. В. Цуриковой, Л. Ю. Щипициной. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. С. 211—225. [Shchititzyna, Larisa Yu. (2014) Tekstovaya organisatsiya sotsialnoy seti kak giperzhanra Internet-kommunikatsii (Text Organization of a Social Network as a Hypergenre of Internet Communication). In Tsurikova, Larisa V., & Shchititzyna, Larisa Yu. (eds) *Subyekt poznaniya i kommunikatsii: yazykovye i mezhkul'turnye aspekty* (Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Cross-cultural Perspectives). Voronezh: Nauka-Yunipress, 211—225. (In Russian)].
- Adamzik, Kirsten. (1995) *Textsorten — Texttypologie. Eine kommentierte Bibliographie*. B. 12. Münster: Nodus Verlag.
- Fix, Ulla. (2008) *Texte und Textsorten — sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene*. Berlin: Frank & Timme.
- Freudenberg-Findeisen, Renate. (2016) (ed.) *Auf dem Weg zu einer Textsor-*

- tendidaktik. Linguistische Analyse und text(sorten)didaktische Bausteine nicht nur für den fremdsprachlichen Deutschunterricht*. Hildesheim; Zürich; New York: Georg Olms Verlag.
- Grischaewa, Ludmilla. (2016) Vom Mehrwert fremdsprachiger Inklusionen im deutschen Text. In Richter, Julia; Zwischenberger, Cornelia; Kremmel, Stefanie, & Spitzl, Karlheinz (eds). *(Neu-)Kompositionen. Aspekte transkultureller Translationswissenschaft. Liber amicorum für Larisa Schippel*. Berlin: Frank & Timme; Verlag für wissenschaftliche Literatur, 367—389.
- Lange, Bernd-Lutz. (2000) *Es bleibt alles ganz anders. Deutsch-deutsche Wunderlichkeiten*. Stuttgart-Leipzig: Hohenheim Verlag.
- Schmitz, Ulrich. (2014) Kohärenz in Text-Bild-Sorten: Grammatik & Design. In Tsurikova, Larisa V., & Shchititzyna, Larisa Yu. (eds) *Subyekt poznaniya i kommunikatsii: yazykovye i mezhkul'turnye aspekty* (Subject of Cognition and Communication: Linguistic and Cross-cultural Perspectives). Voronezh: Nauka-Yunipress, 226—244.
- Rentel, Nadine, & Venohr, Elisabeth. (2012) (eds) *Text-Brücken zwischen den Kulturen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Bernd Spillner*. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Peter Lang.
- Troschina, Natalya N. (1995) Kommunikativer Kontext und stilistische Frames. In Wodak, Ruth, & Kirsch, Fritz Peter. (eds) *Totalitäre Sprache — Langue de Bois — Language of Dictatorship*. Wien: Passagen-Verlag, 93—103.

Lyudmila I. Grishayeva
Voronezh State University

The Natural and the Accidental in Variation of Texts with Culturally Significant Phenomena

The paper focuses on trends in the semantic, formal (structural) and functional organisation of texts. These trends can currently be legitimately characterised as universal for different types of texts in all languages and cultures. When describing the principles of the organization of the text as a phenomenon, a holistic approach is preferable to the atomistic one, and the dynamic perspective is preferable to the static one. The dynamic perspective of the analysis of various semantic and syntactic changes in texts allows us to describe them as the variations of a particular invariant, which manifests itself as a natural property of language as a means of cognition and communication. Therefore, the changes observed in the analysis of various intratextual connections caused by unique stylistic and/or socio-cultural reasons, can be interpreted to a certain extent as a manifestation of the variability of the text structure within the boundaries of one invariant. However, taking

into account the super-systemic relations of the text with its intra-textual organization, the corresponding changes can be interpreted as a transformation of the “text type” invariant. The discussed trends are illustrated by the description of the functioning the culturally significant phenomena in texts expressed in a single sentence and/or super-phrasal unity.

Keywords: text type as a variant; text type as an invariant; text variation in communication; culturally significant phenomenon